

Николай Помогаев

**ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ РАССМОТРЕНИЕ
АБСУРДНОГО ЮМОРА**

Одной из центральных проблем европейской философии XX века стала проблема смыслообразования. Проследить закономерности формирования смысла, проанализировать акты сознания, участвующие в его конституировании, – важные задачи философии, культурологии, психологии, социологии и прочих гуманитарных дисциплин. Но вопрос о сущности смысла тесно связан с другим, не менее значимым вопросом – о противоположности смысла, бессмыслице, нонсенсе, абсурде. Не случайно в философской проблематике нашего времени вопрос об абсурде занимает такое же важное место, как и вопрос о смысле.

Слово абсурд происходит от латинского *absurdus* – нелепый, абсурд мыслится как оборотная сторона смысла, его отсутствие, нечто, что мы конституируем как нереальное, то чего в принципе быть не должно. При обращении к проблеме смыслообразования вопрос о том, что является абсурдным, является неизбежным. Ибо в зависимости от того, что мы считаем абсурдным, можно легче судить о том, что для нас обладает смыслом. Анализ феномена абсурда – задача не из легких, потому что, даже давая определение объекту исследования, мы испытываем сложности: как дать четкое определение тому, что изначально, на уровне первичной интуиции, мыслится как неподвластное каким-либо логико-понятийным условностям. Вот что по этому поводу пишет В. И. Огурцов в статье «Абсурд» в новейшей философской энциклопедии: «Попытка дать категориальное определение абсурда невыполнима и сама по себе абсурдна, поскольку абсурд не улавливается в сети ни здравого смысла, ни понятийных рассуждений, ни идей разума» [5, с. 21]. И тем не менее, если мы представляем те или иные события жизни или чьи либо высказывания как абсурдные, то мы уже тем самым придаем им определенный смысл, тем самым отводим им место в определенном смысловом контексте. Как видно, проблема весьма парадоксальна, абсурд так же является одной из составляющих смыслообразования, как и его противоположность – смысл.

С феноменом абсурда, бессмыслицы тесно связан феномен

смешного. Нельзя не заметить: смешное возникает часто тогда, когда имеет место ситуация нелепости, неразумия. Рассмотрение феномена смешного как такового выходит за рамки этой статьи. Здесь я ставлю перед собой более узкие задачи анализа той специфической разновидности юмора, которую принято называть абсурдным юмором.

Главная цель данной статьи – интерпретация абсурдного юмора с точки зрения феноменологической методологии. Феноменологическое течение в философии, основанное Э. Гуссерлем, главным объектом своих поисков сделало сознание (см.: [1]). Феноменология – прежде всего философия сознания. Сознание всегда интенционально, т. е. направлено на что-либо, вот почему в поле внимания феноменологического исследования попадает не только сознание как совокупность актов или форм, но также смысловая реальность, данная нам в любых актах нашего сознания, будь-то ощущения, мысли, воспоминания, ожидания. Феноменологическое рассмотрение подразумевает два направления исследования – ноэматическое и ноэтическое. Ноэматический анализ означает описание смысла того или иного объекта, данного нам в опыте, в его максимально чистом виде, без каких-либо посторонних привнесений. Ноэтический анализ – это анализ тех актов сознания, в которых этот смысл раскрывается [3; 4].

Приступим же к ноэматическому описанию абсурдного юмора. Но тут, сразу же, возникает вопрос – если, как уже было сказано выше, сама по себе ситуация смешного связана обычно с нелогичностью, нелепицей, то правомочно ли абсурдный юмор рассматривать как какую-то специфическую форму юмора? Не является ли юмор как таковой абсурдным по определению? Стоило ли огород городить? На мой взгляд, стоило. Ведь не случайно даже в нашем обыденном словоупотреблении можно часто услышать такие обороты, как «абсурдный юмор» или «юмор абсурда». Если само по себе смешное связано с нелепицей, некой алогичностью, то почему же тогда повседневный язык все-таки выделяет абсурдный юмор как некий частный случай?

Ситуации, которые вызывают у нас смех, весьма многообразны. К тому же, представления о смешном у разных людей существенно разные: то, что вызывает бурный смех у одних,

не будет казаться смешным другим. Существенно разнятся представления о юморе у людей, принадлежащих разным культурам, разным историческим эпохам: «Трудность состоит в том, что связь между комическим объектом и смеющимся человеком не обязательно закономерна. Там, где смеется один, другой смеяться не будет. Причина может крыться в условиях исторического, социального, национального и личного порядка. Каждая эпоха и каждый народ обладает, специфическим для них чувством юмора и комического, которые непонятны и недоступны для других эпох», – писал известный фольклорист В. Я. Пропп [6, с. 18]. Но как бы ни варьировались представления о смешном от эпохи к эпохи, от одного народа к другому, все же его центральное смысловое ядро (ядро нозмы) сохраняется. Состоит оно в том, что происходит некое «региональное смещение», т. е. перемещение смыслов одного региона бытия в другой, в котором они обретают новое, не свойственное им содержание. Регион – категория философии Э. Гуссерля, означающая совокупность неких феноменов окружающего мира, имеющих общие родовидовые признаки. Регионы бытия подразделяются на два основных типа: материальные и формальные. Материальному региону подчинена определенная совокупность конкретных вещей или явлений, формальный же охватывает наиболее широкие сферы сущего, например регион предметов опыта подчинен региону предметов вообще, категория «предмет вообще» представляет собой чистую форму, которая может быть заполнена любым видом данности. Гуссерль отмечает, что «*формальный регион*» – это не что-то скоординированное с материальными регионами (регионами вообще), что *он, собственно, не регион, а пустая форма региона вообще* и что все регионы со всеми их содержательно-сущностными обособлениями стоят не рядом с ним, а, скорее (хотя и только *formaliter*), *под ним*» [3, с. 39]. Регионы, данные нам в опыте, могут быть совершенно разной природы: регионы вещей эмпирической природы, идеальных образований, таких как объекты изучения в математике, а так же продуктов человеческого творчества, культурных образований и т. д. Каждому из регионов присущи свои способы данности нашему сознанию, свои собственные смысловые закономерности. Смыслы предметов или явлений,

принадлежащих одному из регионов, нельзя смешивать с другими.

Интересующий нас феномен комического возникает, как правило, тогда, когда феномены, принадлежащие одному региону, перемещаются в иной, где их привычный смысл нивелируется и вместо него они получают новое, не свойственное им ранее смысловое наполнение. Или же если прежний смысл не утрачивается полностью, то, по крайней мере, приобретает новые, не свойственные ему ранее смысловые оттенки. Может быть также, что смещение происходит в рамках какого-либо одного из регионов между его различными частями, но при этом происходит изменение смысла. Это будет легче всего продемонстрировать на конкретных примерах. Приведу в качестве такового известный анекдот:

Подарил приятель чукче Камаз, через год встречается его и спрашивает: «Ну, что, как машина?» Чукча отвечает: «Все хорошо: и тепло, и светло – вот только собакам тяжело тащить».

Комический эффект здесь создается за счет того, что чукча не понимает разницу между двумя транспортными средствами и путает Камаз с собачьей упряжкой. Отчетливо видны следующие смысловые смещения:

- перемещение автомобиля в регион иных средств передвижения, за счет чего происходит придание ему нового смысла, смысла собачьей упряжки;
- частичная нивелировка его привычного смысла, при которой последний не утрачивается полностью, поскольку очевиден лишь для чукчи, но сохраняется для слушателей анекдота. Это возможно, поскольку рассмотрение поведения чукчи происходит извне, его действие получают осмысление в смысловом контексте иной культуры, в глазах представителей которой он выглядит дураком. При этом следует помнить, что, возможно, в смысловом контексте родной культуры действия героя анекдота и не выглядят столь нелепыми.

Другим примером, демонстрирующим вышесказанное, может служить анекдот:

Умер программист, попал в ад. Через месяц встречаются Сатана и Бог, и сатана говорит Богу: «Забери у меня этого программера, а то, пока мы ему объясняли, что это не DOOM2 он мне всех чертей пилот попил».

Здесь, опять-таки, мы видим сходные смысловые смещения: – перемещение ситуации компьютерной игры в смысловой контекст

реального ада, за счет чего действия программиста приобретают новые смысловые составляющие, при которых их прежний смысл не исчезает полностью;

– происходит придание нового смысла реальности ада, которая в сознании героя анекдота получает совершенно иное содержание. При этом действия программиста получают осмысление в ином смысловом контексте, в котором они не приемлемы, но в его собственных смысловых реалиях они вполне закономерны и логичны.

Таких примеров можно было бы привести еще много. Без труда в них можно обнаружить общую смысловую структуру – перемещение смыслов, присущих одному из регионов бытия, в другой, частичная нивелировка привычных смыслов, благодаря чему возникает дополнительное значение, и, что не менее значимо, присутствует оценка с точки зрения одного из смысловых контекстов (как взгляд на действия чукчи сквозь призму европейской культуры).

Но вернемся непосредственно к теме нашей статьи, каким образом все вышесказанное связано с проблемой абсурда? В каких случаях мы можем говорить, что имеет место собственно абсурдный юмор? Дело в том, что приведенные примеры не могут быть отнесены к жанру абсурдного юмора по причине наличия в них определенной логической последовательности. Ибо действиям героев обоих анекдотов присуща определенная внутренняя логика, нелепыми их действия кажутся благодаря взгляду со стороны, с позиций неизвестного им смыслового контекста, но внутри присущего их сознанию смыслового универсума они совершенно законны, обладают четким смысловым содержанием и вполне логически последовательны. То, что нелогично и нелепо в одном из смысловых универсумов, может быть вполне законным и логичным в другом. В таком случае у нас нет оснований говорить о наличии абсурдной ситуации. Но что, если имеют место ситуация или действия, неприемлемые ни в каком из известных нам смысловых универсумов, когда происходит размывание всех возможных областей значений или когда имеют место действия, лишенные определенной внутренней логики? Проследим такой тип смешного на конкретных примерах. Изберу опять анекдоты.

Летят два крокодила. Один зеленый, другой налево [2, с. 581].

Тут можно отчетливо видеть ситуацию, неприемлемую в принципе, неуместную ни в каком из смысловых контекстов. Во-первых, слова «летят два крокодила», взятые нефигурально, фиксируют ситуацию саму по себе противосмысленную, поскольку крокодилы не летают, они не могут летать по определению. Во-вторых, слова «один зеленый, другой налево» основаны на установлении абсолютно произвольной связи между обоими частями фразы без какой-либо четкой последовательности. Комический эффект здесь достигается за счет разрушения схем ожидания, вследствие неожиданности, когда вместо перечисления свойств самих крокодилов вдруг следует высказывание о свойствах полета. Единственной связкой между «один зеленый» и «другой налево» является слово «летят», уместное в каждом из указанных контекстов в отдельности, которое здесь принципиально изымается из всех возможных контекстов и применяется абсолютно произвольно.

Еще в качестве примера можно указать детскую «загадку»:

Летит стая напильников. Сколько стоит гвоздь?

И здесь присутствует размывание всех возможных смысловых контекстов: напильники также, по определению, не летают, и совершенно непонятно, почему вдруг возникает вопрос о гвозде. Связь между тем и другим установлена абсолютно произвольно, просто в силу субъективного желания автора «загадки». Для демонстрации этого произвола приведу еще несколько загадок, также могущих быть отнесенными к интересующему нас жанру.

Отгадай загадку: «длинное, зеленое, висит на стене и пищит – что это?» – Не знаю. – Селедка. – А почему зеленая? – Я покрасил? – А почему висит на стене? – Я повесил. – А почему пищит? – А чтобы не догадались.

В данном примере задающий загадку недвусмысленно дает понять, что все признаки селедки зависят исключительно от его личного желания, причем последовательность их объединения также абсолютно произвольна, также зависит от желания задающего. При внимательном взгляде, мы можем видеть еще одну особенность данной загадки, а именно – если в большинстве известных загадок особое внимание акцентируется на указания,

призванные облегчить разгадку, то здесь главный акцент делается на указание признаков, препятствующих отысканию правильного ответа. Селедка не может быть зеленой, равно как и не может висеть на стене.

Подобное имеет место в другой загадке этого же рода: «Большое, черное, на трех ногах и стоит в огороде?». Ответ – «рояль», «а почему стоит в огороде?» – предполагаемый вопрос незадачливого отгадчика – получает ответ – «мой рояль – куда хочу, туда и ставлю». И здесь имеет место зависимость смыслового контекста исключительно от воли задающего. Обратим внимание вот еще на какую деталь: ответы на загадку строятся здесь таким образом, чтобы у отгадчика возникли встречные вопросы, причем порядок ожидаемых вопросов мыслится вполне логично-последовательным. Главная цель ответов, даваемых на эти вопросы, состоит в разрушении устоявшейся формы рассуждения, демонстрации того, что логики здесь нет, есть лишь произвольная игра со смыслами.

Теперь мы подошли к пункту, когда мы, пожалуй, можем дать предварительное, пока неполное определение юмора абсурда, а именно как типа юмора, создающегося за счет принципиального нарушения всех возможных смысловых контекстов, когда единственным резонансом для формирования контекста становится произвол человеческой фантазии.

Но тут необходимы некоторые уточнения. Хотя интенция абсурдистских шуток направлена на размывание всех возможных контекстных ограничений смысла, на устранение каких-либо четких границ между ними, все же у нас нет оснований считать их абсолютно алогичными. Возможно и такое, что, несмотря на кажущуюся бессмыслицу в них, тем не менее, присутствует определенная формальная структура. Попробуем в ней разобраться. Как бы нелепо ни выглядело сочетание элементов текста, принадлежащего к жанру абсурдистского юмора, воспринимается он, все же, как единый текст, а не набор бессвязных предложений. В чем же тут дело? Рассмотрим первый из числа примеров – пример с крокодилами. Комический эффект второй части фразы здесь создается за счет неожиданности – «один зеленый, другой налево». То есть вместо ожидаемого указания свойства, присущему другому крокодилу, возникает указание на направление его полета.

Но связь между обоими частями фразы налицо и обеспечивается общим смыслом первой части анекдота, где сказано, что крокодилы летят. Именно слово «летят» и делает возможным разные по смыслу предложения соединить воедино. Другим связующим звеном служат сами крокодилы, ибо тот факт, что «летят крокодилы» позволяет сначала указать характеристику одного из них, а затем плавно перейти к характеристике полета. Таким образом, «полет крокодилов» здесь выполняет функцию ноэматического ядра, которое гарантирует единство текста и позволяет удержать смысловое тождество отдельных частей фразы, несмотря на размывание контекстов.

И тут, похоже, мы подошли вплотную к выявлению общей логической структуры абсурдистского текста.

- 1) Во всех текстах абсурдного юмора, как бы ни различались они меж собой, присутствует некое понятие или фраза (ядро ноэмы), которая полагается в своем предельно абстрактном значении, вырывается из связи с какими-либо смысловыми контекстами.
- 2) Предельная абстрактность ноэматического ядра, положенная изначально, дает возможность впоследствии поместить значение в любой из возможных контекстов.
- 3) После того как ноэматическое ядро положено, происходит перемещение его в различные смысловые контексты, но данное перемещение абсолютно произвольно для воспринимающего данный текст, без соблюдения правил логической последовательности и контекстуального единства.
- 4) Благодаря этому происходит «размывание» смысловых границ между различными контекстами, смысловая определенность контекста регулярно нарушается.

Для того чтобы все это было возможно, необходим ноэтический акт сознания, который полагает значение той или иной фразы или понятия в наиболее абстрактной форме, удерживающий его в «взвешенном» состоянии, свободном от ограничений сферы эмпирической реальности. Данный акт сознания является ядром ноэзы, задающим направление прочим ноэтическим актам, участвующим в конституировании смысла текста. Ведущим механизмом между отдельными актами сознания в данном случае является свободная ассоциация.

Таким образом, мы можем констатировать следующее: тексты в жанре абсурдистского юмора призваны продемонстрировать неустойчивость смыслов, которыми мы руководствуемся в нашей повседневной жизни, легкость их взаимного перетекания. Но, в тоже время, они дают нам возможность расширения дискурса, выявления дополнительных смысловых оттенков феноменов, данных нам.

2. Бабушкин В. У. Феноменологическая философия науки. – М: Наука, 1985. – 189 с.
3. Белоусов А. Ф. Современный анекдот // Современный городской фольклор. – М: РГГУ, 2003. – С. 581–599.
4. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. – Т. 1. – М.: ДИК, 1999. – 336 с.
5. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 752 с.
6. Огурцов В. И. Абсурд // Новая философская энциклопедия. – Т. 1. – М.: Мысль, 2000. – С. 21–24.
7. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. – М.: Искусство, 1976. – 183 с.